

Игорь Гончаров

Гончаров Игорь Владимирович родился 22.07.1971 в Калининграде. С 1975 г. жил в Магнитогорске. В 1993 г. окончил МГТУ, уехал в Тольятти, где работал в научно-техническом центре Волжского автомобильного завода конструктором перспективных моделей. С 2006 г. жил и работал в Москве, в 2009-м вернулся в Магнитогорск. Автор стихотворных книг «Заповедная цитадель» (Магнитогорск, 2002), «Месторождение» (Тольятти, 2004), «Палеонастоящее» (Магнитогорск, 2010), книги прозы «Тигре» (Самара, 2006), книги стихов и рассказов «Поэзия третьего темпа» (серия «Литература Магнитки. Избранное», 2008). Участник АСУП-3. Живёт в Магнитогорске.

Филологическая маркировка стихов И.Г.

Традиции, направления, течения: модернизм, метареализм (метаметафоризм), постмодернизм.
Основные имена влияния, переклички: И. Бродский.

Основные формальные приемы, используемые автором: авторский канон, афористичность, парадоксализм, прозаичность, герметическое сознание, историзм, ирония, интертекстуальность.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: история, память, география, визуальность, вещь, предмет, человек, пейзаж, язык, поэзия.

Творческая стратегия: продолжение канона, диалог с И. Бродским.

Коэффициент присутствия: 0,23

КРАТКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

Свое детство помню размыто, как не свое. Родился, если верить записям в журнале регистрации, в городе Калининграде, где отец проходил сверхсрочную службу в Западной группе войск. В четыре года родители привезли меня в Магнитогорск, где я рос в тепле и заботе, не обнаруживая тяги к хулиганству и неадекватному поведению в принципе. В большом доме в поселке Крылова, где бабушка по маминой линии выращивала все виды овощей и живности, вплоть до коровы, а дед катал валенки, я тихо вырослел, окруженный вниманием огром-

ной родни, и не имел никакой цели в жизни, ибо тогда, когда счастье окутывает человека достаточно плотно, у него нет мотивации достигать чего-то и через достижение насаждать миру свое эго. Мой двоюродный дядя, в то время член Союза писателей, любил общаться со мной языком Есенина, отвечая на мои поэтические опыты на страницах моих записных книжек. Не скажу, что я любил поэзию, поскольку слово «любил» в таких сферах не имело во мне сколько-нибудь выраженной психологической окантовки, в отличие, скажем, от любви к шоколаду и копченой колбасе, бывшими в то время дефицитом чрезвычайно, а потому оставившими наиболее яркие детские воспоминания. Поэзия, к счастью, обрела для меня плотность значительно позднее, лет в двадцать пять, когда окатила метафизической волной асеевской лирики (стихотворение «Как желтые крылья иволги») и трогательной глубиной Луговского («Тревожное пробуждение»). Но прежде, чем произошло означенное, я все более становился полноправным членом общества. Первый раз, помню, я сознал себя отчетливо в десятом классе, когда гуляя вечером на улице с ребятами из класса, задумался о наиболее насущном из вопросов, поставленных перед человеком, а именно – познаваем ли мир. Уверовав, что сие недостижимо, я начал отчаянно думать на темы размытые, но вдохновенные, и с этого момента, стало быть, во мне начал зарождаться тот Игорь Гончаров, эхо которого при желании можно слышать в его сегодняшних стихах. Время шло, мальчик рос, подбираясь к двадцати пяти, и как-то раз, когда он был, вероятно, расслаблен более обычного, Асеев и Луговской накрыли его аккурат в часы обеденного перерыва. Это случилось за кульманом в научно-техническом центре АвтоВАЗа, где я все еще верил в то, что есть шансы внести свой вклад в дело развития автомобильной промышленности. Я не знал тогда, рожден ли был для этих конкретных целей или для опытов, которые вскоре поставят надо мной ангелы литературы, поэтому был чист в стремлениях и свеж в общении с прекрасным. Кто знает, возможно, я сумел бы со временем соединить материю и дух, воспевая продукцию Волжского автозавода, но в какой-то момент один мой хороший друг подсунил мне томик Иосифа Бродского. И здесь произошло непредвиденное. После его цикла «Часть речи» материальная ценность пространства вместе с автомобилями, населяющими его, и прочим хламом стала бледнеть в моих глазах, теряя запахи, цвет и хоть какой-либо смысл. И если бы меня попросили писать биографию, то именно с этого эпизода, думаю, можно отсчитывать дни мои как человека, окончательного вставшего на тот самый путь, черты которого неразличимы в суете дней, но путь, который делает вязкую земную суету хоть сколько-нибудь оправданной.